

Эволюция механизмов взаимодействия руководства СССР и БССР по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС

Боев Павел Андреевич

Аспирант, SPIN-код РИНЦ: [7917-4746](#), ORCID: [0009-0008-7910-473X](#), pavelboev98@gmail.com

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В статье рассматривается проблема коммуникации между Белорусской ССР (БССР) и союзным центром по вопросу ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС (ЧАЭС) в динамично изменяющихся политических условиях перестройки. Авария на ЧАЭС оказала сильное влияние на экономическое, политическое состояние государства и общества, а также повлияла на систему государственного управления и отношения между союзным центром и руководством БССР. Процесс данных изменений можно разделить на три этапа: 1986 год, в котором союзный центр играл ключевую роль в принятии решений по ликвидации последствий аварии; 1987–1988 годы, когда начинали складываться первые предпосылки для большей роли республики в данном вопросе, и 1989–1991 годы, когда республика попыталась проводить свои нормы поставок в союзных ведомствах. На первом этапе союзная Правительственная комиссия и Оперативная группа Политбюро ЦК КПСС являлись определяющей силой ликвидации аварии, поставляя необходимые средства и материалы в пострадавшие регионы, мобилизуя ресурсы СССР. На втором этапе на фоне демократизации общественно-политических отношений БССР начинала формулировать запросы сверх союзных поставок. Наконец, на третьем этапе в БССР была создана программа по ликвидации последствий на ЧАЭС, охватывавшая широкий круг потребностей на пострадавших территориях и требовавшая новых капитальных вложений. Первоначально, в 1989 году, инициатива во взаимоотношениях с союзным центром находилась в руках республики, однако под влиянием республиканских программ центр сформулировал собственную программу по ликвидации последствий аварии, которой и руководствовался до дезинтеграции СССР в 1991 году. В результате проведенного анализа делается вывод, что, несмотря на первоначальное снабжение БССР всем необходимым и изменение взаимоотношений центра и руководства БССР, к началу 90-х годов политическая нестабильность в Советском Союзе не давала возможности союзному центру в полной мере реализовывать взятые на себя обязательства.

Ключевые слова

Чернобыльская АЭС, Белорусская ССР, СССР, М.С. Горбачёв, перестройка.

Для цитирования

Боев П.А. Эволюция механизмов взаимодействия руководства СССР и БССР по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 110. С. 21–33. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-110-2025-21-33

Evolution of Interaction Mechanisms between the USSR and the BSSR to Eliminate Consequences of the Chernobyl Disaster

Pavel A. Boev

Postgraduate student, ORCID: [0009-0008-7910-473X](#), pavelboev98@gmail.com

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article examines the problem of communication between the Belorussian SSR (BSSR) and the Union center on the issue of eliminating the consequences of the Chernobyl disaster in the dynamically changing political conditions of Perestroika. The Chernobyl disaster had a strong impact on the economic and political state of the country and society, as well as on the system of public administration and relations between the union center and the leadership of the BSSR. The process of these changes can be divided into three stages: 1986, in which the Union center played a key role in making decisions to eliminate the consequences of the disaster; 1987–1988, when the first prerequisites for a greater role of the republic in this matter began to take shape, and 1989–1991, when the republic tried to implement its supply standards in the union departments. At the first stage, the Union Government Commission and the Operational Group of the Politburo of the Central Committee of the CPSU were the determining force in the liquidation of the accident, supplying the necessary funds and materials to the affected regions, mobilizing the resources of the USSR. In the second stage, against the background of the democratization of socio-political relations, the BSSR began to formulate requests in excess of allied supplies. Finally, at the third stage, the BSSR created a program to eliminate the consequences of the disaster at the Chernobyl nuclear power plant, which covered a wide range of needs in the affected territories and required new capital investments. Initially, in 1989, the initiative in relations with the union center was in the hands of the republic, but under the influence of republican programs, the center formulated its own program to eliminate the consequences of the disaster, which was guided by the disintegration of the USSR in 1991. As a result, it is concluded that despite the initial supply of everything necessary to the BSSR and the change in the relationship between the center and the leadership of the BSSR, by the early 90s, political instability in the Soviet Union did not allow the union center to fully implement its obligations.

Keywords

Chernobyl nuclear power plant, Belorussian SSR, USSR, Mikhail Gorbachev, Perestroika.

For citation

Boev P.A. (2025) Evolution of Interaction Mechanisms between the USSR and the BSSR to Eliminate Consequences of the Chernobyl Disaster. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 110. P. 21–33. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-110-2025-21-33

Дата поступления/Received: 20.01.2025

Введение

Авария на Чернобыльской АЭС (ЧАЭС), произошедшая 26 апреля 1986 года, стала одной из самых разрушительных техногенных катастроф XX века. Данное событие нанесло не только тяжелый удар по хозяйству, экономике Советского Союза, но также стало экзаменом на прочность для системы командования союзного центра и политики М.С. Горбачёва, направленной на демократизацию государственного управления. Чернобыльская трагедия стала неотъемлемой частью потрясений СССР в последнее десятилетие его существования, повлияла на жизнь ряда регионов Российской Федерации и Республики Беларусь (РБ) вплоть до сегодняшнего дня.

Данная тема не теряет актуальность во многом потому, что во второй половине 80-х годов под влиянием Чернобыльской аварии сформировались многие предпосылки взаимоотношений между Минском и Москвой, оформились хозяйственные связи между регионами, были возведены объекты, существующие до сих пор, а также появились организации ветеранов Чернобыля, влиявшие на политику позднего СССР и ранних этапов существования РФ и РБ.

При этом, несмотря на глубокое изучение темы в отечественной и зарубежной историографии, ведомственные отношения между БССР и союзным центром до сих пор не были подробно рассмотрены на хронологическом отрезке с 1986 по 1991 годы.

Основные работы по теме катастрофы на Чернобыльской АЭС можно разделить на три группы. Первая посвящена непосредственно моменту взрыва на ЧАЭС, его первопричине: здесь можно упомянуть исследования Н.Е. Борисова [Борисов 2022], в которых подробно проанализированы особенности управления атомной станцией в первые часы после аварии. Ко второй группе относятся аналитические статьи, главным предметом которых являются последствия аварии — степени заражения населения, почв, вод [Демичев 1997; Токарев 2016; Drozdovitch 2022]. Третья группа включает в себя обобщающие монографии и диссертационные исследования, подробно раскрывающие анатомию аварии [Ильин 1996; Тогобицкий 1996; Higginbotham 2019]¹.

Цель данной работы состоит в том, чтобы охарактеризовать эволюцию взаимоотношений между союзным центром и руководством Белорусской ССР и сделать выводы об их динамике с 1986 по 1991 год. Для реализации этой цели необходимо решить ряд задач: разделить указанный хронологический период на этапы; охарактеризовать каждый этап с точки зрения взаимоотношений союза и БССР; выделить и рассмотреть ключевые события и документы, определяющие эволюцию механизмов взаимоотношений на каждом этапе.

Роль союзного центра и ведомств БССР в ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы в 1986 году

Анализируя особенности взаимодействия союзного центра и БССР в вопросах ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, необходимо коснуться причин аварии на станции. Среди них можно выделить технические, ведомственные (системные) и кадровые.

К техническим причинам относится тот факт, что реактор типа РБМК-1000, который был установлен на ЧАЭС, имел ряд несовершенств. Ранее, в 1975 году, на Ленинградской АЭС схожий реактор едва не привел к трагедии, подобной Чернобыльской.

К ведомственным причинам трагедии относятся прежде всего анализ предшествующих аварийных случаев и проектирование данного реактора. До аварии в высшие государственные органы сообщалось об опасности реакторов такого типа, однако ни ведомственные, ни отраслевые министерства, ни контролирующие их органы не внесли необходимые корректировки в работу².

¹ См. также: Дьяченко А.А. Опыт ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС: деятельность государственных органов СССР (1986–1991 гг.): дис... канд. ист. наук. М., 2002.

² Там же. С. 14.

Кроме того, как выяснилось после аварии, сама станция была спроектирована с большим количеством нарушений, в частности планировка помещений не соответствовала проектным чертежам, и были выявлены факты экономии на ряде систем [Соловьев и др. 2023, 103]. Таким образом, не было точных данных, как может повести себя реактор в случае аварии [Higginbotham 2019, 75]. К системным причинам относится и то, что в СССР до аварии на ЧАЭС не было создано ни одной по-настоящему работающей системы ликвидации техногенных катастроф. Кроме экспертных отрядов, которые были крайне малочисленны, ведомства союзного центра не имели действительных механизмов для ликвидации настолько масштабной техногенной катастрофы. Союзному центру приходилось в экстремальных условиях искать методы для борьбы с заражением радиацией.

К кадровым причинам относился подбор персонала станции, допустившего аварию. Причиной катастрофы стали испытания турбогенератора на 4 энергоблоке. В процессе работы операторы допустили ошибку, приведя реактор в нерегламентированное состояние. Согласно требованиям безопасности, в данном случае реактор необходимо было на сутки оставить без нагрузки. Однако испытания продолжились вопреки инструкциям, что сделало реакции в реакторе неконтролируемыми. Кроме того, для продолжения эксперимента было решено снять защитные барьеры, которые могли бы принудительно остановить работу реактора [Соловьев и др. 2023, 142]. Последний защитный механизм не сработал из-за чрезвычайно возросшей скорости химических процессов.

Вышеописанные действия повлекли взрыв, разрушивший 4 энергоблок. Разрушение сопровождалось выбросом радиоактивных веществ, горением графитовых стержней, содержащихся в реакторе, разрушением кровли и возникновением пожара³. Поскольку Украинская и Белорусская ССР не обладали достаточным объемом технических средств для ликвидации аварии, союзному центру было необходимо направить свои ресурсы для помощи пострадавшим республикам. Процесс взаимодействия союзного центра и БССР можно разделить на три этапа, каждый из которых характеризовался особыми чертами интенсивности коммуникации. Первый этап — начальный, приходящийся на 1986 год. Второй этап — 1987–1988 годов, когда ликвидация последствий аварии была во многом зависима от норм, задаваемых союзным центром. Третий этап — 1989–1991, когда БССР начала активнее направлять запросы в союзный центр и пытаться реализовать свои нормы ресурсных поставок.

Первые часы после аварии в союзный центр не поступало достоверной информации о причинах случившегося и масштабах катастрофы. Должностные лица области не были сразу оповещены сотрудниками станции. Начальнику гражданской обороны станции было также запрещено что-либо сообщать о положении на объекте [Тогобицкий 1996, 133]. Попытка скрыть информацию об аварии была предпринята начальником станции В.П. Брюхановым. Впоследствии он также передал недостоверные сведения о произошедшем на ЧАЭС⁴. В частности, по этой причине у властей Припяти не было оснований для эвакуации городского населения и принятия мер для защиты населения [Борисов 2022, 50]. Эти обстоятельства также повлияли на то, что в первые часы после аварии союзный центр не располагал объективной информацией. В итоге само руководство станции допустило ряд ошибок, которые замедлили реакцию на аварию [Борисов 2023, 452].

Как только о трагедии стало известно, союзный центр взялся за купирование очага кризиса. Прежде всего спецбортom Министерства атомной энергетики в Чернобыль для радиационного и клинического анализа вылетела аварийная бригада Г.Д. Селидовкина [Ильин 1996, 84]. Однако экспертной группы было недостаточно. Возможная опасность распространения радиоактивного

³ Там же. С. 217.

⁴ Там же. С. 104.

заражения подтолкнула союзный центр к немедленной реакции — созданию системы, выстраиванию вертикали ведомств, задействованных в ликвидации последствий аварии. Благодаря распоряжению Совмина СССР, 26 апреля была создана Правительственная комиссия под руководством Б.Е. Щербины. Комиссии предстояло расследовать причины трагедии, организовать работу по ликвидации последствий аварии на местах, а также в итоге стать главным элементом связи центра и Чернобыля.

Комиссия оказалась на месте аварии 28 апреля. По прибытии ей пришлось не только расследовать причины аварии, снимать показания приборов-самописцев, но и организовывать руководство первоначальными мероприятиями по ликвидации последствий, поскольку руководство станции было деморализовано и не имело четкого плана работ [Соловьев и др. 2023, 20–21]. На 4 энергоблоке продолжался пожар, сопровождавшийся выбросами радионуклидов, что также осложняло работу комиссии [Там же, 23].

В Политбюро ЦК КПСС была создана Оперативная группа, возглавляемая Председателем Совета министров Н.И. Рыжковым и Секретарем ЦК КПСС Е.К. Лигачёвым. Именно Оперативная группа, опираясь на запросы, формулируемые на месте аварии комиссией Б.Е. Щербины, руководила направлением государственных ресурсов для скорейшей ликвидации последствий аварии. Н.И. Рыжков в воспоминаниях сообщал о более чем 400 вопросах, которые были решены Оперативной группой [Рыжков 1992, 138].

Деятельность Оперативной группы и скорость принимаемых решений подтвердили авторитет Политбюро, которое обеспечивало поиск необходимых средств и ресурсов в кризисных обстоятельствах.

На фоне увеличения объема ресурсов, привлекаемого для ликвидации последствий аварии, росло и число комиссий, вовлеченных в работы. Кроме Правительственной комиссии и Оперативной группы создавались ведомственные комиссии — при МВД, Президиуме Академии наук СССР, иных ведомствах. Создавались также республиканские комиссии и оперативные группы в УССР и БССР. Отдельно необходимо упомянуть комиссии, руководившие конкретными мероприятиями, — комиссию ответственную за переселение Припяти, аварийно-восстановительную комиссию А.Н. Семёнова, комиссию П.А. Полад-Заде, занимавшуюся сохранением водных источников. Отдельно стоит упомянуть Вооруженные силы, мобилизовавшие военнослужащих Прикарпатского, Киевского и Белорусского военных округов, предоставлявшие технику, личный состав, медиков, войска РХБЗ для работ по дезактивации населенных пунктов и для восстановления объектов.

Союзный центр, таким образом, создавал вертикальную систему управления: Правительственная комиссия Б.Е. Щербины, находящаяся непосредственно на месте аварии, отправляла запрос в Оперативную группу, а та формулировала запросы и отправляла их на уровень министерств, республик и т. д.

Ликвидация катастрофы требовала тесного взаимодействия союзных и республиканских ведомств. МВД тесно сотрудничало с оперативными группами МВД БССР и УССР в вопросах обеспечения безопасности зараженной зоны, недопущения мародерства, а впоследствии огораживания зараженного участка. Вооруженные силы мобилизовали части РХБЗ Белорусского военного округа. Тесная коммуникация также происходила между союзным и республиканскими отделениями Минздрава.

Белорусская ССР приняла на себя значительный удар после аварии на ЧАЭС. Общая площадь заражения республики составила 46,5 тыс. км² — 23% территории БССР с населением около 2 300 000 человек⁵.

⁵ Беларусь и Чернобыль: 36 лет спустя. Информационно-аналитические материалы. Минск: [б.и.], 2022. С. 4.

Выстроенная союзным центром система имела вертикальное подчинение, однако в первые дни после аварии ряд решений принимали местные власти без санкции из республиканского или союзного центра. К этим решениям относились распоряжение Гомельского облисполкома о переселении беременных, детей и стариков из 30-километровой зоны от ЧАЭС [Демичев 1997, 185], распоряжение Хойникского райисполкома о запрете проведения хозяйственных работ в 5 километрах от станции [Демичев 2018, 191]. Несмотря на предпринятые меры, жителей белорусских населенных пунктов не удалось уберечь от доз радиации, полученных вследствие потребления коровьего молока, зараженного I-131 [Drozdovitch 2022, 48]. У жителей 30-километровой зоны средние дозы облучения щитовидки составили 0,68 Гр. для взрослых и 3,1 Гр. для детей [Bouville et al. 2007].

Кроме республиканских сил МВД и Белорусского военного округа, со стороны БССР в ликвидации последствий аварии принимали силы Гражданской обороны, а также научные кадры. В мае 1986 года при Президиуме Академии наук БССР была создана Оперативная группа Н.А. Борисевича, которая в контакте с советской Академией наук и Академией наук УССР разрабатывала рекомендации по контролю питания, диагностике онкологических заболеваний, а также занималась исследовательской деятельностью на зараженных территориях [Токарев 2016, 71]. Специально для исследования чернобыльской проблемы в 1987 году был создан Гомельский институт радиобиологии.

26 апреля 1986 года из доклада Правительственной комиссии стали известны промежуточные итоги расследования о причинах аварии. Главной причиной аварии были названы как ошибки работников, дирекции станции (В.П. Брюханова), так и проблемы в самой конструкции реактора. Часть вины была возложена также на Министерство среднего машиностроения, сотрудники которого, согласно докладу, не обеспечили достаточное научное сопровождение работ. Госатомэнергонадзор был обвинен в ненадлежащем контроле за соблюдением правил технической и ядерной безопасности.

Таким образом, авария на ЧАЭС бросила тень на несколько ведомств и саму отрасль атомной энергетики, подняла дискуссию в обществе о целесообразности существования атомной энергетики в целом. Процесс ликвидации аварии также не был безупречным, в частности в области медицинского обеспечения, что подтвердили Н.И. Рыжков и Е.К. Лигачёв, посетившие Чернобыль 2 мая 1986 года. После их визита было принято решение об ограждении 30-километровой зоны вокруг ЧАЭС. К работам кроме сотрудников Министерства среднего машиностроения также были привлечены республиканские силы МВД и армии.

М.С. Горбачёв выступил перед согражданами только 14 мая. Данное промедление было связано с тем, что точных причин взрыва на ЧАЭС долгое время так и не получалось установить. В выступлении генсек отметил организационную роль Политбюро, а также заверил граждан, что благодаря совместным усилиям удалось избежать значительного ущерба⁶.

Несмотря на заверения М.С. Горбачёва о том, что «худшее позади», можно сказать, что эффект Чернобыля, в частности информационно-политический, начал влиять на положение в стране спустя несколько лет. Ликвидация аварии на ЧАЭС показала несовершенство самой системы управления позднего СССР. Во многом причина самой катастрофы крылась в системных просчетах, о которых говорилось выше. Кроме того, процесс ликвидации часто шел экспериментально. У союзных органов не было выверенного плана действий при подобных экстренных ситуациях. В условиях вертикальной системы горизонтальные связи, связи между ведомствами, были слабо налажены. Сведения часто собирались только в центре, не существовало обмена на стадии до передачи отчета в Оперативную

⁶ Выступление М.С. Горбачева по советскому телевидению (Чернобыль) 14 мая 1986 года. С. 3 // Горбачёв-Фонд [Электронный ресурс]. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/chernobyl_pril_6.pdf (дата обращения: 16.01.2025).

группу. Подобное положение не позволяло выстроить единую отчетную систему [Ильин 1996, 212]. Наконец, первоначально недостаточное освещение черновыльской проблемы ускорило складывание экологической повестки в СССР, создало почву для появления мифов о Чернобыльской аварии, которые подхватывались именитыми учеными: например, А.Д. Сахаров в беседе с белорусским писателем А.М. Адамовичем в 1989 году подтверждал гипотезу о том, что, спасая Москву, союзный центр с помощью авиации посадил зараженное облако на Брянщине и Могилёвщине⁷.

Взаимодействие союзного центра и государственных органов БССР в 1987–1988 гг. и влияние итогов XIX партийной конференции

После ликвидации острой фазы аварии было необходимо обустроить жизнь вынужденных переселенцев, культивировать новые хозяйственные площади, продолжать вести дезактивационные работы. Для проведения всех этих работ Белорусской ССР не хватало собственных ресурсов. По этой причине после аварии на ЧАЭС Минск все более становился зависимым от Москвы в области поставок техники, топлива, медикаментов. На протяжении последующих лет значительная часть коммуникации между союзным центром и БССР будет строиться вокруг средств, выделяемых на ликвидацию последствий Чернобыльской аварии.

В 1987 году решающее положение союзного центра в вопросе ликвидации последствий на ЧАЭС сохранялось. Республиканские ведомства, в частности МВД, охраняли границы зоны отчуждения, в то время как научные кадры союзного центра продолжали проводить исследования на Чернобыльской АЭС. Союзный центр также курировал и мобилизовал трудовые ресурсы на восстановление и постройку новых социальных и хозяйственных объектов в БССР и УССР. В работах на пострадавших территориях были задействованы рабочие из республик Прибалтики, Закавказья, Средней Азии. Кроме курирования ликвидации последствий аварии, Правительственной Комиссии и Совету министров СССР приходилось также искать средства и руководить новыми проектами, связанными с ЧАЭС, — проектом «Укрытие», постройкой города Славутича на территории УССР и т. д.

При этом в 1987 году республиканские министерства и ведомства, в частности Советы министров УССР и БССР, начинали играть более заметную роль в дальнейшей ликвидации последствий аварии. В этот период украинская сторона направляла запросы в центр с просьбами поставить ей необходимые материалы и обеспечить техникой. Белорусская сторона была в данной области значительно скромнее. За 1986 год на нужды Чернобыля, согласно сообщению Председателя Совета министров БССР М.В. Ковалёва, было использовано 190 млн рублей⁸. В апреле 1987 года от М.В. Ковалёва и Секретаря ЦК КПБ Е.Е. Соколова поступил запрос о капиталовложениях для ликвидации последствий аварии на 1988–1990 годы: «Вместе с тем по мере углубленного обследования территорий с нарушенной экологической обстановкой выявлена необходимость осуществления в 1988–1990 годах дополнительных работ по дезактивации загрязненных территорий, строительству объектов производственного и культурно-бытового назначения, дорог. На эти цели требуются капитальные вложения в объеме 527,54 млн рублей, в том числе для Гомельской области — 353,35 млн рублей и Могилёвской — 174,19 млн рублей»⁹.

В запросе указывались следующие подразделы: «на осуществление мероприятий по дезактивации населенных пунктов и загрязненных территорий», «комплексная застройка населенных пунктов для эвакуированного населения», «строительство объектов с целью сохранения объемов производства сельскохозяйственной продукции»¹⁰. Данные подразделы сопровождались ведомостью, в которой содержались запросы на необходимые материалы и технику. Как можно

⁷ Сахаров А.Д. Диалог с Алесем Адамовичем: Жить на Земле, и жить долго. 1989 г. // Музей Сахарова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sakharov.space/lib/dialog-s-alesem-adamoviche-zhit-na-zemle-i-zhit-dolgo> (дата обращения: 16.01.2025).

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд Р5446. Оп. 148. Ед. хр. 339. С. 74.

⁹ Там же. Ед. хр. 1898. С. 1.

¹⁰ Там же.

заметить из представленных разделов, республиканские власти обращались к союзному центру не только с целью дезактивации загрязненных районов, но и для восстановления хозяйственных объектов. Впоследствии подобные просьбы в адрес союзного центра от Минска будут лишь учащаться. Первый Секретарь ЦК КПБ Е.Е. Соколов и Председатель Совета министров СССР М.В. Ковалёв также отдельно запрашивали у союзного центра 159 млн рублей на восстановление объектов Гомельской и Могилёвской областей¹¹. Данный запрос был отдельно продублирован для Н.Н. Рыжкова¹².

Постановлением Совета министров СССР положения ведомости удовлетворялись. На 1988 год лимит централизованных капитальных вложений для Совета министров Белорусской ССР увеличивался на 50 млн рублей (в том числе 40 млн рублей должны были выделяться на строительно-монтажные работы) за счет резервного фонда Совета министров СССР¹³. Кроме того, Совету министров БССР после согласования с Минфином, Госснабом и Госпланом СССР разрешалось воспользоваться 56 млн рублей капитальных вложений (на строительно-монтажные работы из них выделялось 44 млн рублей)¹⁴.

Исходя из приведенных данных, можно отметить, что спустя год после аварии союзный центр выделял хозяйственные средства для БССР по запросу республики. Центр также курировал взаимодействие республиканских и союзных ведомств, что подтверждают решения Правительственной комиссии, в частности решение № 487 от 6 декабря 1987 года¹⁵. Согласно тексту решения, Госкомгидромет СССР, Госагропром СССР, Минобороны СССР совместно с Советами министров УССР и БССР должны были на основании измерения уровней радиоактивного загрязнения уточнить зону отселения. Система охраны зон отселения разрабатывалась союзным МВД также совместно с республиканскими Советами министров.

Контроль за своевременным исполнением плановых работ ложился на союзный центр. Б. Щербине как главе Правительственной комиссии приходилось разбирать жалобы представителей местной власти, ведомств и министерств, вовлеченных в восстановление зараженных территорий. Чаще всего жалобы были связаны со срывом сроков работ, с задержками поставок сырья и оборудования.

Необходимо добавить, что взаимодействие между БССР и союзными министерствами не ограничивалось чернобыльской проблемой. Министерства СССР также поддерживали Белоруссию и в иных нуждах — увеличении зарплатных фондов, поставке оборудования и станков для нуждающихся предприятий, поставке материалов для Витебской области, пострадавшей в августе 1987 года от ливней и ветров, и т. д.¹⁶.

Переломным моментом в отношениях союзного центра и БССР в вопросе о ликвидации последствий аварии стал 1988 год и XIX партийная конференция, проходившая с 28 июня по 1 июля. Несмотря на то, что вопрос Чернобыля был представлен на ней весьма ограничено, данная конференция, актуализировавшая партийный демократизм, дискуссию, а также расширившая полномочия Съезда народных депутатов, была воспринята в БССР, в частности в ЦК КПБ, с большим энтузиазмом¹⁷. Фокус внимания белорусских представителей был сосредоточен главным образом на хозяйственном и экономическом аспектах. Экономика на XIX партийной конференции была названа М.С. Горбачёвым «решающей сферой жизни»¹⁸. Отдельно в докладе генсека упоминалась необходимость расширения прав союзных республик, их экономической самостоятельности¹⁹.

¹¹ Там же. С. 11.

¹² Там же. С. 13–14.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Оп. 150. Ед. хр. 1616. С. 233.

¹⁶ Там же. Оп. 148. Ед. хр. 339. С. 38.

¹⁷ Материалы XI пленума Центрального Комитета Компартии Белоруссии, 4 окт. 1988 г. Минск: [б.и.], 1988. С. 38.

¹⁸ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1988. С. 21.

¹⁹ Там же. С. 66.

Рост самостоятельности республики, переход на хозрасчет, расширение функций Совета народных депутатов открывали перед руководством БССР новое поле экономического и политического развития. С одной стороны, подобная перспектива давала Белоруссии возможность сосредоточиться на собственных потребностях, при этом чернобыльская проблема не могла быть решена Минском без помощи союзного центра. Увеличивающиеся возможности, открывающиеся перед БССР, были ограничены чернобыльским фактором, на восстановление хозяйства требовалось все больше средств.

По указанным выше причинам в 1988 году представители Белорусской ССР изменили подход к коммуникации с союзным центром, пойдя по примеру УССР. С 1988 года запросы БССР в Правительственную комиссию увеличиваются.

В феврале 1988 года от заместителя Председателя Совета министров Белорусской ССР Ю.М. Хусаинова поступил запрос на увеличение поставки топочного мазута, автомобильного бензина и дизельного топлива²⁰. В том же месяце Секретарь Могилёвского обкома КПБ В. Леонов и Председатель Могилёвского облисполкома А. Кичкайло обращались к Председателю Совета министров СССР Н.И. Рыжкову с жалобой на задержку поставок щебня и каменного отсева из карьеров УССР и БССР, из-за чего не получалось благоустроить населенные пункты и фермы²¹. На это обращение последовала резкая реакция Б.Е. Щербины в записке на имя министра путей сообщений Н.С. Конарева с требованием немедленно наладить поставки²². От Секретаря Гомельского обкома КП Белоруссии А. Камая и Председателя Гомельского облисполкома А. Граховского поступил также запрос на десятки единиц техники, тысячи тонн цемента, угля, битума, топлива и т. д.²³ Данный запрос был переадресован Б.Е. Щербиной в Госснаб с формулировкой «Прошу рассмотреть»²⁴. В итоге Постановлением Совета министров центр выделил часть запрашиваемой техники. Поскольку не был выделен необходимый объем угля, Гомельскому областному исполкому Совета народных депутатов пришлось в июне отдельно запрашивать 30 000 тонн, на что было получено положительное решение Госснаба²⁵.

Как можно заметить, к 1988 году не все запросы республики центру удавалось выполнить в полном объеме. Запрос А. Камая и А. Граховского был удовлетворен не полностью. По этой причине в Верховном Совете Белоруссии зрело недовольство. На XI сессии Верховного Совета БССР неоднократно подчеркивалось, что Республика все чаще выступает в роли просителя. Данное положение расценивалось рядом членов Верховного Совета как унижительное, раздавались призывы требовать, а не просить²⁶.

В то же время в самой Белоруссии вопрос Чернобыля резко политизировался. Ко второй половине 80-х годов белорусская оппозиция, основу которой составляла интеллигенция, представленная «Белорусским народным фронтом» (БНФ), активно использовала тему катастрофы на ЧАЭС, чтобы дискредитировать республиканские власти. В 1989 году (26 апреля) прошел первый несанкционированный митинг «Чернобыльский шлях», организованный БНФ, который с этого момента стал регулярным. В том же году писатель Алесь Адамович, рассказывавший о проблемах ликвидации последствий Чернобыльской аварии, высказывал недоверие союзным органам. Первоначальные ограниченные запросы в союзный центр со стороны Белоруссии объяснялись Адамовичем тем, что Ковалёв отказался от помощи, проявив белорусскую скромность за счет народа²⁷.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп.149. Ед. хр. 1566. С. 122.

²¹ Там же. С. 195–196.

²² Там же. С. 199.

²³ Там же. С. 202–204.

²⁴ Там же. С. 205.

²⁵ Там же. С. 218.

²⁶ Адзінаццатая сесія Вярхоўнага Савета Беларускай ССР адзінаццатага склікання (Одиннадцатая сессия Верховного Совета Белорусской ССР одиннадцатого созыва), 28–29 ліп. 1989 г.: Стэнагр. справаздача. Минск: Беларусь, 1989. С. 358.

²⁷ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 156. Ед. хр. 626. С. 126.

Таким образом, чернобыльский вопрос становился все более болезненным для БССР. Кроме тяжелых экономических потерь, увеличения зависимости от Москвы, Чернобыль стал постоянным раздражителем для протестных масс. На фоне демократических реформ и политических изменений в советском государстве руководству Белорусской ССР приходилось искать выходы из сложившегося положения. Выход был найден в изменении самого статуса последствий аварии на ЧАЭС.

Появление белорусской программы по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и дальнейшее взаимодействие союзного центра и БССР в 1989–1991 гг.

22 марта 1989 года Совет министров БССР и ЦК КПБ приняли Постановление, согласно которому начиналась разработка Государственной программы преодоления последствий аварии на ЧАЭС. XI сессия Верховного Совета БССР одобрила данную программу в том же году. На этой сессии В.Г. Евтух, делавший доклад о Постановлении, отдельно отмечал, что представители белорусского Госплана, Госснаба, Госагропрома, Белкоопсоюза проявляли недостаточно настойчивости и целеустремленности в союзных органах²⁸. Отсутствие системы в обеспечении БССР поставками оборудования, приборов, спецтехники приводили к необходимости создания госпрограммы.

Первая часть программы предусматривала отселение 11 601 жителя из Гомельской, Могилёвской и Брестской областей²⁹. Кроме того, предусматривалась система строительства коммунальных хозяйств, жилых домов. Вторая часть предполагала научное обеспечение проблем в зараженных районах. Третья часть обосновывала необходимость мер по медицинскому обслуживанию, социальному обеспечению и оздоровлению. Четвертая — меры по организации народного образования, торговли, общественного питания. Были также разделы, посвященные топливному и энергетическому снабжению пунктов на постоянной основе, агропромышленному обеспечению, льготам, мероприятиям по радиационному контролю, охране окружающей среды. Таким образом, Белоруссия составляла программу, охватывающую все сферы жизни. Выполнение этой программы в полном объеме должно было покрыть все потребности республики в области восстановления хозяйственного потенциала.

Масштабность программы была связана с тем, что БССР на сессии Верховного Совета была названа «зоной национального экологического бедствия»³⁰. Принятие программы и ее возведение в разряд «национальных» также подчеркивали отдаление Минска от союзного центра. Многие члены Верховного Совета БССР говорили, что Белоруссия — жертва непродуманной политики центра, волей которого была выстроена дефектная атомная станция, из-за аварии на которой пострадали тысячи людей, а теперь центр отказывается от компенсаций республике³¹. Источник решения виделся только в компенсации со стороны Совета министров СССР и иных ведомств³².

После XI сессии Верховного Совета БССР его ведомства взялись за формулирование новых запросов в союзный центр. Наконец, в июле от М.В. Ковалёва Б.Е. Щербине был направлен запрос на государственные капитальные вложения в размере 738 млн рублей на 1989–1990 годы, разработанный совместно с Госпланом БССР, а также Могилёвским и Гомельским облисполкомами, министерствами и ведомствами республики, Комиссией бюро ЦК КПБ и Совмина БССР по ликвидации аварии на ЧАЭС³³. К 1989 году, согласно запросу, требовался 321 млн рублей. Прилагалась также ведомость, в которой перечислялись хозяйственные, социальные объекты в Гомельской и Могилёвской областях, которые было необходимо деактивировать или построить.

²⁸ Адзінаццатая сесія Вярхоўнага Савета Беларускай ССР адзінаццатага склікання (Одиннадцатая сессия Верховного Совета Белорусской ССР одиннадцатого созыва), 28–29 ліп. 1989 г.: Стэнагр. справаздача. Мінск: Беларусь, 1989. С. 307.

²⁹ Там же. С. 316.

³⁰ Там же. С. 486.

³¹ Там же. С. 430–431.

³² Там же. С. 436.

³³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 149. Ед. хр. 1566. С. 177.

Реакция союзного центра была неоднозначной. С одной стороны, Белоруссия являлась пострадавшей стороной, которой были необходимы масштабные капитальные вливания. С другой — запрос был слишком велик. Согласно комментарию из Госагропрома, БССР по Госплану в 1989 году полагалось 188,8 млн рублей капитальных вложений, практически в два раза меньше запрашиваемой БССР суммы. По этой причине Б.Е. Щербина дал следующий комментарий: «Прошу рассмотреть предложение совмина БССР в части строительства объектов агропромышленного комплекса и найти решение»³⁴. Таким образом, Б.Е. Щербина стремился хотя бы частично удовлетворить запрос Белорусской ССР.

Поскольку в 1988 году тема Чернобыля была снова актуализирована республиканскими силами, союзный центр испытывал нарастающее давление, ему было необходимо вернуть инициативу в этом вопросе в свои руки. 25 апреля 1990 года Верховный Совет СССР принял Постановление «О единой программе по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и ситуации, связанной с этой аварией». Аргументация принятия программы на общесоюзном уровне во многом совпадала с аргументацией причин принятия белорусской программы — неэффективность проводимых работ по дезактивации, сорванные сроки, медленное строительство жилья. Согласно 2 пункту документа, программа Белоруссии, как и Украины, должна была быть одобрена, но при этом доработана³⁵. Предполагалось также принятие ряда законов, уточняющих статус жертв Чернобыльской аварии, выплату льгот и т. д.

Таким образом, союзный центр, зафиксировав процесс возмущения в республиках, постарался возглавить его, перехватив управление нарастающим недовольством. С этого момента союзным центром были предприняты шаги к выстраиванию новой системы поставок в республики. Согласно ответам Н.И. Рыжкова депутатам на XXVIII съезде КПСС, БССР было предусмотрено выделение примерно 5,7 млрд рублей в период с 1990 по 1992 гг.³⁶ Рыжков упомянул также, что в 1989 году республике было выделено 264 млн рублей. В 1990 г. должно было выделяться 700 млн, а в проекте на 1991 год — 2,1 млрд рублей. Таким образом, согласно программе, количество капиталовложений от союзного центра должно было наращиваться с каждым годом. Суммарно же, согласно информации от Совета министров СССР, в период с 1986 по 1990 год БССР было выделено 1,8 млрд рублей³⁷.

Первоначальный проект от Совета министров СССР по поставкам материалов и технике БССР был объемлен. Кроме нескольких позиций финансовых выделений (только 8 пункт включал выделение 957 млн рублей в связи с ростом сметной стоимости строительства и 790 млн рублей в новых ценах на создание рабочих мест для населения), в частности в валюте, он предусматривал выделение путевок, фуражного зерна, специалистов, техники³⁸. Отдельно прописывалась необходимость подключения к восстановлению объектов на пострадавших территориях Минатома, который из своего бюджета, помимо союзных вливаний, должен был ежегодно восстанавливать объекты в БССР на 500 млн рублей³⁹.

Белорусская сторона также стремилась к выделяемым средствам запрашивать дополнительные финансовые вложения. В частности, в запросе Первому заместителю Премьер-министра СССР В.Х. Догужиеву от заместителя Председателя Совета министров

³⁴ Там же. С. 191.

³⁵ Постановление ВС СССР от 25.04.1990 № 1452-1 «О единой программе по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и ситуации, связанной с этой аварией» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=UFBGrA&base=ESU&n=3353#Pf8pWYUIb8FyfGzd1> (дата обращения: 16.01.2025).

³⁶ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 156. Ед. хр. 714. С. 113.

³⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5446. Оп. 163. Ед. хр. 1322. С. 7.

³⁸ Там же. С. 8.

³⁹ Там же. С. 10.

БССР И.А. Кенника говорилось: «На 1991 год дополнительно к выделенным Госпланом СССР капитальным вложениям требуется изыскать материальные ресурсы на строительно-монтажные работы в объеме не менее 790 млн рублей в сметных ценах 1991 года»⁴⁰.

Однако проект Совета министров встретил сопротивление в ведомствах на этапе обсуждения. В частности, министр атомной энергетики и промышленности В.Ф. Коновалов категорически отказывался выделять указанные средства, аргументируя это тем, что его ведомство практически исчерпало свои ресурсы на предшествующих работах на ЧАЭС⁴¹. Госснаб считал включение в текст документа пунктов и приложений о материально-техническом снабжении нецелесообразным⁴².

В итоге после критики министерств проект был значительно урезан. Из итогового Постановления Кабинета министров СССР от 2 августа 1991 года были убраны сотни миллионов рублей⁴³. Сохранились положения о поставках фуражного зерна; Министерство атомной энергетики должно было выделять не 500 млн рублей ежегодно, а 10 млн в 1991 году и далее ежегодно не менее 20 млн. Таким образом, объем материальной помощи для БССР в финальном варианте проекта 1991 года кратно сократился. Подобная критика правительственного проекта свидетельствовала как об отсутствии у союзного центра запрашиваемых свободных ресурсов, так и о все большей самостоятельности отраслей хозяйства, к 1991 году имевших возможность в разы изменить суммы в предложенном Кабинетом министров СССР проекте.

Безусловно, на итоговое содержание Постановления также влияла нестабильная политическая ситуация в Советском Союзе. В том же месяце, когда документ был принят, произошел августовский путч ГКЧП, который стал прологом к дезинтеграции СССР. Советское государство находилось в глубоком внутриполитическом кризисе, поэтому материальное обеспечение республик не являлось первоочередной задачей союзного центра и не могло выполняться на уровне 80-х годов.

Заключение

Чернобыльская катастрофа стала одной из самых разрушительных техногенных катастроф в истории. Кроме того, что она нанесла экологический и экономический ущерб Советскому Союзу в целом и БССР в частности, она также стала ударом для советской системы управления. Несмотря на первоначальную оперативность принимаемых решений в первые месяцы после аварии, обеспечение ресурсами пострадавших территорий в 1987–1988 годах было недостаточным, что вызвало массу нареканий в адрес союзного центра, сделало из аварии на ЧАЭС политический лозунг, который с особой силой ударил по белорусской партийной номенклатуре. На фоне изменений в системе государственного управления, заложенных на XIX партийной конференции, чернобыльский вопрос приобретал все большую политическую остроту в БССР. Будучи зависимой от союзного центра в области материально-технического обеспечения, руководство БССР не было удовлетворено выделяемыми ресурсами. По этой причине с ростом политической самостоятельности в БССР была разработана собственная программа по ликвидации последствий на ЧАЭС. Несмотря на то, что первоначально данная инициатива была принята союзным центром, который разработал свою программу, включающую требования БССР, стремительно меняющаяся политическая обстановка, разлад в системе управления Союзом, борьба в высших эшелонах власти так и не позволили в полной мере обеспечить республиканский запрос.

Таким образом, механизмы взаимоотношений между ведомствами БССР и СССР в вопросе ликвидации последствий на АЭС прошли несколько этапов. И если на первом этапе, в 1986 году, инициатива в решении проблем Чернобыля находилась в руках центра, то с 1988 года, на фоне

⁴⁰ Там же. С. 1.

⁴¹ Там же. С. 28.

⁴² Там же. С. 30.

⁴³ Там же. С. 38–39.

политических преобразований, БССР увеличивала объемы запросов, а в 1989 году попыталась настаивать на необходимых ей объемах поставок. Однако в 1990–1991 годах, до дезинтеграции СССР, союзный центр снова перехватывал инициативу в вопросе решения чернобыльской проблемы благодаря собственной Государственной программе по ликвидации последствий аварии.

Список литературы:

Борисов Н.Е. Действия руководства Чернобыльской АЭС и города Припяти по обеспечению безопасности персонала и населения в первые часы после аварии. // СКИФ. Вопросы студенческой науки. 2022. № 6(70). С. 45–51.

Борисов Н.Е. Управление ситуацией на Чернобыльской АЭС в ночь аварии 26 апреля 1986 г. // СКИФ. Вопросы студенческой науки. 2023. № 12(88). С. 448–453.

Демичев Д.М. Чернобыльская катастрофа: государственно-правовые проблемы преодоления последствий. Минск: Экоинформ, 1997.

Демичев Д.М. Деятельность органов местного управления и самоуправления Беларуси по минимизации последствий Чернобыльской катастрофы // Teise. 2018. Т. 106. С. 190–197. DOI: [10.15388/Teise.2018.106.11661](https://doi.org/10.15388/Teise.2018.106.11661)

Ильин Л.А. Реалии и мифы Чернобыля. М.: «ALARA Limited», 1996.

Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств. М.: Новости, 1992.

Соловьев С.М., Кудряков Н.Н., Субботин Д.В. Валерий Легасов: высвечено Чернобылем. М.: АСТ, 2023.

Тогобицкий И.А. Немой набат, паника // Чернобыль. Катастрофа, подвиг, уроки и выводы / под ред. А.А. Дьяченко. М.: Интер-Весы, 1996. С. 131–137.

Токарев Н. Участие НАН Беларуси в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС // Наука и инновации. 2016. № 4(158). С. 70–72.

Bouville A., Likhtarev I.A., Kovgan L.N., Minenko V.F., Shinkarev S.M., Drozdovitch V.V. Radiation Dosimetry for Highly Contaminated Ukrainian, Belarusian and Russian Populations, and for Less Contaminated Populations in Europe // Health Physics. 2007. Vol. 93. Is. 5. P. 487–501. DOI: [10.1097/01.HP.0000279019.23900.62](https://doi.org/10.1097/01.HP.0000279019.23900.62)

Drozdovitch V.V. Thyroid Doses of the Population after the Chernobyl Accident // Journal of the Belarusian State University. Ecology. 2022. Is. 1. P. 46–55. DOI: [10.46646/2521-683X/2022-1-46-55](https://doi.org/10.46646/2521-683X/2022-1-46-55)

Higginbotham A. Midnight in Chernobyl the Untold Story of the World's Greatest Nuclear Disaster. New York, London: Simon & Schuster, 2019.

References:

Borisov N.E. (2022) Actions of the Management of the Chernobyl NPP and the City of Pripjat to Ensure the Safety of Personnel and the Population in the First Hours After the Accident. *SKIF. Voprosy studencheskoy nauki*. No. 6(70). P. 45–51.

Borisov N.E. (2023) Managing the Situation at the Chernobyl Nuclear Power Plant on the Night of the Accident on April 26, 1986. *SKIF. Voprosy studencheskoy nauki*. No. 12(88). P. 448–453.

Bouville A., Likhtarev I.A., Kovgan L.N., Minenko V.F., Shinkarev S.M., Drozdovitch V.V. (2007) Radiation Dosimetry for Highly Contaminated Ukrainian, Belarusian and Russian Populations, and for Less Contaminated Populations in Europe. *Health Physics*. Vol. 93. Is. 5. P. 487–501. DOI: [10.1097/01.HP.0000279019.23900.62](https://doi.org/10.1097/01.HP.0000279019.23900.62)

Demichev D.M (1997) *Chernobyl'skaya katastrofa: gosudarstvenno-pravovyye problemy preodoleniya posledstviy* [Chernobyl disaster: State-legal problems of overcoming the consequences]. Minsk: Ekoinform.

Demichev D.M. (2018) The Activities of Local Authorities and Self-Government of the Republic of Belarus on Mitigation of Consequences of Chernobyl Disaster. *Teise*. Vol. 106. P. 190–197. DOI: [10.15388/Teise.2018.106.11661](https://doi.org/10.15388/Teise.2018.106.11661)

- Drozdovitch V.V. (2022) Thyroid Doses of the Population after the Chernobyl Accident. *Journal of the Belarusian State University. Ecology*. Is. 1. P. 46–55. DOI: [10.46646/2521-683X/2022-1-46-55](https://doi.org/10.46646/2521-683X/2022-1-46-55)
- Higginbotham A. (2019) *Midnight in Chernobyl. The Untold Story of the World's Greatest Nuclear Disaster*. New York, London: Simon & Schuster
- Il'in L.A. (1996) *Realii i mify Chernobylya* [Realities and myths of Chernobyl]. Moscow: "ALARA Limited".
- Ryzhkov N.I. (1992) *Perestroyka: istoriya predatel'stv* [Perestroika: A history of betrayal]. Moscow: Novosti.
- Solov'yev S.M., Kudryakov N.N., Subbotin D.V. (2023) *Valeriy Legasov: vysvecheno Chernobylem* [Valery Legasov: Highlighted by Chernobyl]. Moscow: AST.
- Togobitskiy I.A. (1996) Nemoy nabat, panika [A silent alarm, panic]. In: D'yachenko A.A. (ed.) *Chernobyl'. Katastrofa, podvig, uroki i vyvody*. Moscow: Inter-Vesy. P. 131–137.
- Tokarev N. (2016) NAS of Belarus Participation in the Elimination of the Chernobyl Accident Consequences. *Nauka i innovatsii*. No. 4(158). P. 70–72.